

РЕГИОНАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЭЛИТА: СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ РЕКРУТИРОВАНИЯ И КАРЬЕРА

Д.Б. Тев

(denis_tev@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Тев Д.Б. Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 146–171

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>

Аннотация. Рассматриваются социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера членов региональной административной элиты. Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных 464 высокопоставленных чиновников десяти субъектов РФ. Исследование выявило, что доминирующей тенденцией карьеры администраторов является бюрократическая профессионализация: к моменту занятия нынешней должности подавляющее большинство уже более или менее длительное время работало на административных постах. Причем профессиональная закрытость рекрутирования региональной административной элиты с середины 2000-х годов усилилась. За пределами административной сферы основным поставщиком региональных чиновников служит бизнес, высшее руководство коммерческих организаций. Впрочем, наблюдается тенденция ослабления плутократического рекрутирования. В свою очередь, законодательные органы, прежде всего региональные легислатуры, являются малозначимым каналом рекрутирования административной элиты (их роль как поставщика чиновников с середины 2000-х годов снизилась). Это неудивительно, учитывая, что они обычно представляют собой довольно слабые политические институты, почти полностью зависимые от исполнительной власти и фактически неспособ-

ные ее контролировать. Наконец, региональной административной элите присуща высокая степень социальной закрытости. В ней преобладают выходцы из высокостатусных социально-профессиональных групп и практически отсутствуют персоны, которые в предшествующей карьере занимали позиции, относящиеся к низшим классам. В общем уровень социально-классового неравенства в доступе к высшим административным позициям в регионах высок, а возможности вертикальной мобильности ограничены.

Ключевые слова: административная элита, чиновники, источники рекрутирования, карьера, профессионализация, бизнес, социальная закрытость.

ВВЕДЕНИЕ

Значимость исследования социально-профессиональных характеристик региональной административной элиты определяется рядом обстоятельств. Во-первых, они могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти, которая лежит в основе элитного рекрутирования, особенностей общественно-политической системы, в рамках которой элита формируется и функционирует. Р. Патнэм писал, что «поскольку состав элиты легче наблюдаем, чем лежащие в его основе паттерны социальной власти, он может служить в качестве своего рода сейсмометра для обнаружения сдвигов в основаниях политической жизни и политики» [Putnam 1976: 43]. А как отмечал Д. Мэттьюз, «меняющиеся характеристики политических лидеров служат показателем меняющегося распределения власти в обществе» [Matthews 1954: 5]. В этом смысле изучение источников рекрутирования и карьеры высшего регионального чиновничества позволяет лучше понять социально-политическую организацию региона и ее историческую эволюцию. Речь, в частности, может идти об особенностях взаимоотношений региональных властей с федеральным центром, характере отношений между исполнительной и законодательной властями субъекта федерации, являющемся одной из главных характеристик регионального политического режима [Туровский 2009], специфике взаимодействия бизнеса и публичной власти в регионе. Словом, социально-профессиональный состав региональной административной элиты отчасти может быть своего рода «зеркалом», в котором отражается структура власти регионального сообщества (а также в некоторой степени России в целом).

Во-вторых, социально-профессиональное происхождение и карьера администраторов и соответственно специфика условий их социализа-

ции может в определенной степени влиять на их политические аттитюды и поведение (например, обуславливать их склонность к защите или, напротив, игнорированию интересов определенных социальных групп). В частности, исследование французской и германской элит (включая высокопоставленных администраторов), проведенное Л. Эдингером и Л. Сириномгом [Edinger, Searing 1967] показало, что различные характеристики социального происхождения могут, хотя и в разной степени, выступать предикторами элитных аттитюдов. Причем в германском случае одним из самых существенных по размаху и силе предикторов выступала такая переменная, как работа членов элиты в предшествующие годы. Что касается России, то, как показано в ряде работ, такая профессиональная характеристика членов региональной элиты (включая чиновников), как номенклатурный опыт (работа в партийных, советских и комсомольских органах), выступает фактором, дифференцирующим их политические ценности и аттитюды [Региональные элиты... 2001; Сафронов 2010]. В общем «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением — с другой, далеко от абсолютного, исследования показали достаточно сильные корреляции, для того чтобы сделать стоящим это направление исследования» [Kerbo, Fave 1979: 380].

В-третьих, особенности источников рекрутирования и карьерных путей региональной административной элиты могут быть связаны с уровнем ее сплоченности (интеграции). Вообще гомогенность (однородность) социально-демографического и социально-профессионального профиля государственных деятелей может служить важной предпосылкой элитной сплоченности, облегчать внутриэлитный компромисс, способствовать развитию корпоративного духа. Как отмечали Ч. Ким и С. Паттерсон, «социальная гомогенность, возможно, не является ни необходимым, ни достаточным условием элитной интеграции, но, безусловно, существует очень выраженная тенденция к тому, чтобы члены элиты разделяли общий опыт в своем социальном и политическом происхождении. Такой общий опыт облегчает межличностное взаимодействие внутри политической элиты и оказывает прямые и косвенные воздействия на согласованность и совместимость ценностей членов элиты» [Kim, Patterson 1988: 380]. В этом смысле показательна и позиция Э. Гидденса, который писал, что закрытая система рекрутирования, которая создает относительную однородность характеристик социального происхождения, давая доступ в элиту главным образом

представителям привилегированных слоев и лишая его выходцев из «низов», «вероятно, обеспечивает тип согласованной социализации, производящий высокий уровень интеграции между (и внутри) элитными группами» [Giddens 1974: 6]. Впрочем, он же подчеркивает и условность этой зависимости, указывая на случаи, в которых закрытый паттерн рекрутирования сочетается с низким уровнем внутриэлитной интеграции («учрежденная элита») и где, напротив, разнообразие характеристик социального происхождения элиты совмещается с высоким уровнем интеграции (так называемая солидарная элита, характерная, например, для социалистических стран). Отдельно следует отметить, что значимым фактором и показателем интеграции различных функциональных сегментов элиты служат динамические переплетения между ними, которые создаются карьерными переходами персон из одних властных групп в другие. Как отмечает У. Хоффман-Ланге, одним из показателей элитной интеграции служат «элитные карьеры, включающие профессиональный опыт в различных секторах, который способствует отношениям сотрудничества между лидерами разных секторов и организаций» [Hoffmann-Lange 2018: 63]. В этом смысле, например, приток в региональные правительства выходцев из законодательной или экономической элиты региона (как и переходы чиновников на работу в легислатуру или крупный бизнес) могут способствовать межфракционной элитной интеграции, формированию единой, хотя и дифференцированной в институциональном и функциональном отношениях, властной элиты региона.

Наконец, в-четвертых, характер бассейна рекрутирования административной элиты может влиять на ее легитимность. Как писал Р. Патнэм, политическая легитимность частично основывается на представлении о равенстве возможностей, и, как полагают многие практические политики, социологически непредставительная элита может подрывать легитимность правления [Putnam 1976: 44]. В этом смысле вопрос о том, в какой степени социально-профессиональный состав региональных администраций соответствует аналогичным характеристикам населения регионов, имеет существенное значение.

ДАННЫЕ И МЕТОД

Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных об административной элите десяти субъектов РФ: Республики

Дагестан, Хабаровского и Ставропольского краев, Калининградской, Костромской, Ленинградской, Новосибирской и Ростовской областей, Москвы и Санкт-Петербурга¹. При отборе регионов применялась комбинированная стратегия двух противоположных случаев — «наибольшего сходства» и «наибольшего различия». Эта стратегия не лишена недостатков ввиду того, что в пределах рассматриваемых регионов имеются как общие, так и особенные характеристики, однако она позволяет получить некоторые обобщения, важные при проведении сравнительного исследования (подробнее см.: [Быстрова и др. 2010: 142–143]). Для идентификации региональной административной элиты использовался позиционный подход. К ней были отнесены все члены правительств, а также руководители региональных органов исполнительной власти (министерств, комитетов и т.п.) и администраций глав исполнительной власти (губернаторов) регионов в тех случаях, когда они не входили в состав правительства. Таблица 1 показывает количественные характеристики исследуемых совокупностей элиты.

Таблица 1

**Численность исследуемой совокупности членов
административной элиты по регионам, чел.**

Субъект РФ	Количество персон по годам сбора данных		
	2005–2007	2013	2020
Санкт-Петербург	70	30	67
Ленинградская область	37	46	50
Ростовская область	43	37	34
Калининградская область	24	32	43
Костромская область	-	37	35
Хабаровский край	-	28	48
Москва	-	84	64
Новосибирская область	-	36	36
Ставропольский край	-	-	38
Республика Дагестан	-	-	49
Всего	174	330	464

¹ База данных собрана сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН.

Метод исследования можно определить как структурно-биографический анализ, предполагающий изучение структуры региональных властных групп в связи с биографией персон, их составляющих [Быстрова и др. 2010: 158–159]. Первоначально были созданы полнотекстовые файлы с биографической и иной информацией по каждому представителю региональной административной элиты. Источником информации служили справочники, материалы СМИ, официальные сайты органов власти и иных организаций, отчеты коммерческих организаций, биографические интернет-порталы. Собранные данные были упорядочены в персональных файлах-анкетах, содержащих сведения о дате и месте рождения, типе и месте получения высшего образования, карьерном пути и пр. После этого производились кодировка и ввод данных для статистической обработки в пакете SPSS.

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РЕКРУТИРОВАНИЯ

Доминирующей тенденцией карьеры и рекрутирования региональных администраторов в исследуемых субъектах РФ является бюрократическая профессионализация: к моменту занятия нынешней должности подавляющее большинство уже более или менее длительное время работали на административных постах.

Как показывает таблица 2, в целом более четырех пятых административной элиты 2020 г. непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность были чиновниками, и более чем у двух третей предшествующая должность была административной.

Причем если судить по этим показателям, то по уровню профессионализации высшая региональная административная элита (губернатор и его заместители) практически не отличается от остальной массы чиновников.

Административная профессионализация преобладает во всех рассматриваемых субъектах РФ, но наблюдаются некоторая вариативность в региональном разрезе. Если, например, в Республике Дагестан и Ростовской области 73,5 % членов административной элиты занимали административную позицию перед вхождением в нынешнюю должность, то в Москве этот показатель составляет 95 %. Если в Ленинградской области только у 58 % высокопоставленных чиновников предшествующая должность была административной, то в Москве это

Таблица 2

**Работа членов административной элиты 2020 г.,
предшествующая и предпредшествующая нынешней должности (в %)**

Занятие	Предшествующая работа (N=447)	Предпредшествующая работа (N=423)
Депутат	2	2
Администратор	82	69
Политический активист	~0	0
Хозяйственник, бизнесмен	12	18
Специалист	~0	1
Наука, культура, образование	1	1
Силовик	3	6
Охранник	~0	1
Юрист	0	1
Медик	~0	1

можно сказать о 93,5 % членов региональной административной элиты. Словом, столица выделяется наиболее бюрократически профессионализированной элитой.

О длительности работы высокопоставленных региональных чиновников 2020 г. в административной сфере свидетельствует таблица 3.

Таблица 3

**Занятие членов административной элиты 2020 г.
в 1993, 1995, 2000, 2004, 2008, 2010 и 2014 гг. (в %)**

Работа	1993 (n=337)	1995 (n=339)	2000 (n=358)	2004 (n=362)	2008 (n=379)	2010 (n=395)	2014 (n=422)
Депутат	1	2	1	2	3	3	2
Администратор	11	15	29	45	55	63	76
Политический активист	0	~0	1	1	1	1	~0
Хозяйственник, бизнесмен	12	16	23	24	23	20	14
Специалист	3	3	3	2	1	1	1

Окончание табл. 3

Наука, культура, образование	5	3	5	4	3	3	1
Силовик	16	16	14	10	8	6	3
Охранник	0	1	1	~0	1	1	1
Юрист	1	1	2	2	2	1	1
Медик	2	3	4	3	2	1	1
Рабочий/колхозник	2	1	0	0	0	0	0
Учащийся	47	39	17	7	1	~0	0

Как видим, в середине 1990-х годов примерно каждый седьмой нынешний высший чиновник работал на административных должностях (но при этом почти 40 % еще учились), а к 2004 г. этот показатель достиг 45 %, к 2008 г. превысив половину.

Причем тенденция бюрократической профессионализации, профессиональной закрытости рекрутирования административной элиты с середины 2000-х годов усилилась, о чем свидетельствует динамический анализ данных по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям), представленный в таблице 4.

Таблица 4

Работа членов административной элиты Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областей в административной сфере, предшествующая и предпредшествующая нынешней должности (в %)

Тип работы	Годы сбора данных		
	2005–2007	2013	2020
Предшествующая	58 (N=156)	72,5 (N=138)	78 (N=183)
Предпредшествующая	44 (N=133)	60 (N=127)	62 (N=173)

Следует отметить, что сравнение данных за 2013 и 2020 гг. по восьми регионам подтверждает эту тенденцию (доля персон, чья предшествующая работа была административной, возросла с 78 до 83 %, а тех,

кто занимал в административных органах предпредшествующую позицию, — с 63 до 69 %).

В целом высокая степень профессионализации региональной административной элиты неудивительна и согласуется с меритократическим типом ее рекрутирования, при котором в основе отбора чиновников лежит компетентность, тесно связанная с опытом и стажем работы в административной сфере. Вместе с тем длительная работа в административных органах способствует накоплению социальных связей, формированию патрон-клиентских отношений с вышестоящими администраторами. Эти связи и отношения играют первостепенную роль при патримониальном типе рекрутирования, выступая его вытягивающим фактором (что вообще характерно для России [Гимпельсон, Магун 2004; Fortescue 2021]).

Следует отметить, что по уровню профессионализации региональная административная элита значительно превосходит политическую — депутатский корпус, чуть менее половины которого работала в органах представительной власти непосредственно перед занятием нынешней должности (подробнее см.: [Быстрова и др. 2020]). Здесь нужно отметить два обстоятельства. Во-первых, если во многих регионах большинство депутатов вправе осуществлять свои полномочия на непостоянной основе, совмещая их с основной работой, все региональные администраторы обязаны работать в органах исполнительной власти на профессиональной основе и не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью (кроме педагогической, научной и иной творческой). Во-вторых, выраженную профессионализацию административной элиты, ее способность отбирать своих членов скорее из рядов самого чиновничества, чем из иных властных групп — депутатского корпуса, бизнес-сообщества и пр., можно рассматривать как следствие и показатель автономии, которой она обладает по отношению к ним. С. Хантингтон отмечал, что в системе с высоким уровнем автономии важнейшие позиции в руководстве «обычно достижимы лишь для тех, кто прошел период ученичества на менее важных позициях» [Хантингтон 2004: 40]. Автономии административной элиты, в частности, способствуют особенности метода отбора ее членов. В отличие от депутатов, которые избираются населением, региональные чиновники, кроме губернатора, назначаются на свои должности вышестоящими администраторами (правда, иногда по согласованию с законодателями). Таким образом, механизм рекрутирования административной элиты более

закрытый и авторитарный. Контроль над процессом отбора высокопоставленных региональных чиновников, особенно при слабости и зависимости законодательных органов, сосредоточен прежде всего в самой административной сфере, правда важную (даже решающую) роль здесь часто играет вышестоящая федеральная администрация. Профессионализация высших администраторов может не просто отражать, но и усиливать их автономию от неадминистративных сфер и элит, поскольку повышает вероятность формирования у них корпоративного духа и самоидентификации с административным аппаратом, а не с внешними по отношению к нему группами. В связи с этим профессионализация административной элиты, хотя и способствует развитию ее сплоченности и компетентности, может негативно влиять на ее восприимчивость к меняющимся общественным интересам и требованиям, усиливать отчуждение чиновников от общества.

ОПЫТ РАБОТЫ В БИЗНЕСЕ: МАСШТАБЫ И ФАКТОРЫ ПЛУТОКРАТИЗАЦИИ

За пределами административной сферы основным источником рекрутирования высокопоставленных региональных чиновников служит бизнес, высшее руководство коммерческих организаций. Как видно из таблицы 2, почти каждый восьмой чиновник непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность занимал ключевую позицию на предприятиях различных форм собственности (интересно, что исследование региональных вице-губернаторов, занимавших свой пост в период с 2001 по 2012 г., показало, что напрямую с ключевых позиций на предприятиях пришли только 8,5 % [Szakonyi 2020: 40]) и почти у каждого пятого администратора с руководством экономическими структурами была связана предпредшествующая работа. Причем бизнес является поставщиком большего количества региональных чиновников, чем все остальные источники «внешнего» рекрутирования административной элиты вместе взятые. С точки зрения оценки масштабов плутократизации показательны и данные о занятии нынешней административной элиты в различные годы. Как видно из таблицы 3, в 2000–2008 гг. почти четверть нынешних администраторов руководила бизнес-структурами.

Следует, однако, отметить, что высшая административная элита регионов (губернатор и его заместители) в меньшей степени напрямую

рекрутируется из бизнеса, чем другие чиновники: лишь 7 % представителей этой группы руководили предприятиями на момент занятия нынешней должности и 18 % — перед вхождением в должность, предшествующую нынешней. Словом, командные высоты региональной администрации сравнительно менее доступны для выходцев из бизнеса, чем иные бюрократические позиции.

В целом по уровню плутократического рекрутирования региональная административная элита значительно уступает политической (депутатскому корпусу) субъектов РФ, почти 30 % членов которой занимали ключевые позиции в бизнесе на момент вхождения в нынешнюю должность (подробнее см.: [Быстрова и др. 2020]). В некоторой мере это связано с различием правовых норм, регулирующих деятельность депутатов и чиновников. Как уже отмечалось, по закону чиновники должны работать на профессиональной основе и не вправе заниматься коммерческой деятельностью, тогда как многие депутаты, напротив, сочетают свои обязанности с основной работой в бизнесе. Таким образом, если у депутатов предшествующая вхождению в нынешнюю должность законодательная карьера часто совместима с занятием бизнесом, то у чиновников — нет. Кроме того, могут иметь значение и различия в методе рекрутирования депутатов, избираемых населением, и чиновников, которые, кроме губернатора, назначаются вышестоящими администраторами. Как уже отмечалось, механизм рекрутирования чиновников, вероятно, делает процесс формирования административной элиты более закрытым и автономным, менее зависимым от «общества», наиболее влиятельным сегментом которого является бизнес.

Следует отметить, что степень плутократизации административной элиты существенно варьируется по регионам. Если судить по предшествующей позиции, то наименее сильно она выражена в Москве, где выше всего уровень бюрократической профессионализации: в столице из высшего руководства коммерческих организаций непосредственно пришли всего 3 % чиновников. Напротив, больше всего прямых выходцев из бизнеса среди чиновников Ростовской области (21 %), чья административная элита является одной из наименее профессионализованных.

Что касается долгосрочной динамики плутократизации, то ее можно проследить по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям). В целом, как показывает

таблица 5, эта тенденция слабеет (при, как уже отмечалось, усилении профессионализации).

Таблица 5

**Работа членов административной элиты Санкт-Петербурга,
Ленинградской, Ростовской и Калининградской областей
на ключевых постах в бизнесе, предшествующая
и предпредшествующая нынешней должности (в %)**

Тип работы	Годы сбора данных		
	2005–2007	2013	2020
Предшествующая	20,5 (N=156)	20 (N=138)	15 (N=183)
Предпредшествующая	30 (N=133)	24 (N=127)	23 (N=173)

Эта динамика, кстати, подтверждается и сравнением данных за 2013 и 2020 гг. по восьми субъектам РФ: доля чиновников, которые были бизнесменами по своей предшествующей позиции, снизилась с 16 до 11 %, по предпредшествующей — с 23,5 до 17 %.

Какие факторы обуславливают существенное присутствие выходцев из бизнеса в составе региональной административной элиты? Во-первых, рекрутированию бизнесменов на административные посты благоприятствует ряд ресурсов и способностей, которыми они обладают. К ним можно отнести управленческие навыки, компетентность в вопросах экономики, включая знание конкретных отраслей, курируемых данными подразделениями регионального правительства, авторитет и связи в деловом сообществе. Региональные администрации, играющие значительную роль в регулировании экономики, могут испытывать потребность в таких кадрах. Кроме прочего, назначение подобных персон на видные посты в правительствах субъектов РФ, особенно в экономическом блоке, может служить позитивным сигналом предпринимателям и инвесторам, которые обладают структурной властью в отношении региональных администраций, зависящих от экономического роста с точки зрения своих материальных возможностей и легитимности. Впрочем, не следует переоценивать востребованность выходцев из бизнеса в региональных администрациях. Логика функционирования коммерческой и административной сфер и навыки, необходимые для успешной работы в них, все же существенно различаются (см., напр.: [Буравцева 2013]), что может налагать серьезные ограничения на обмен кадрами.

Важную роль в рекрутировании бизнесменов на видные административные посты способны также играть их финансовые ресурсы. Они могут использоваться как для собственного избрания на пост главы региона, так и для спонсирования избирательных кампаний других кандидатов в губернаторы при условии последующего назначения выходцев из бизнеса на важные посты, а также для покупки должностей [Более половины... 2012] и пр. Наконец, важным вытягивающим фактором рекрутирования бизнесменов на административные позиции могут быть их знакомства и связи с чиновниками разного уровня, складывающиеся в ходе тесного функционального взаимодействия руководителей компаний с властями в процессе выработки и осуществления политики, особенно по экономическим вопросам (в частности, бизнесмены участвуют в работе различных консультативных органов при административных структурах, а чиновники входят в советы директоров компаний).

Во-вторых, в условиях сильной и многообразной зависимости процесса накопления капитала от политики региональных администраций бизнес может быть заинтересован в присутствии в них представителей коммерческой сферы, в их «колонизации» как одной из форм контроля (причем самой непосредственной) над ними. Вообще, как показывают исследования, фирмы способны извлекать существенные выгоды из политических связей, возникающих при занятии выходцами из них должностей в государственном аппарате, особенно в странах с относительно неразвитыми рыночными институтами, слабой правовой системой (и незащищенностью прав собственности) и высоким уровнем коррупции, таких как постсоветская Россия [Faccio 2010; Grigoriev, Zhirkov 2020]. Более того, по распространенному мнению, в России сложился «кумовской» капитализм, при котором связи с государственной властью являются важнейшим условием успешного ведения бизнеса [Волкова 2016; Planet Plutocrat 2014]. Хотя бизнесмены вовсе не обязательно занимают административные посты с целью продвижения интересов соответствующих компаний, отраслей или делового сообщества в целом, важно, однако, то, что профессиональная социализация чиновников в бизнесе, вероятно, способствует формированию у них, с одной стороны, аттитюдов, дружественных или сочувственных по отношению к нему, а с другой — сильных социальных связей в коммерческой сфере [Wirsching 2018: 3–5]. Это повышает вероятность восприимчивости таких государственных деятелей к потребностям и аргументам бизнеса,

облегчает доступ бизнесменов к чиновникам и в целом способствует формированию государственной политики, благоприятной накоплению капитала.

Не стоит, впрочем, преувеличивать заинтересованность бизнесменов в занятии административных постов, в смене сферы профессиональной деятельности (чего, как уже отмечалось, не требуется от многих депутатов, которые вправе совмещать работу в политике и коммерции). В частности, роли государственного чиновника и менеджера компании, даже при их общем управленческом профиле, существенно различаются, и работа бюрократа может отпугивать бизнесменов, представляясь им, например, слишком косной и несамостоятельной. Также бизнесмены могут сильно проиграть в доходе при переходе из коммерции в административную сферу. Однако здесь ситуация неоднозначна и сильно варьируется от случая к случаю: соотношение вознаграждений может, в частности, зависеть от размера компании и значимости административной должности. Кроме того, следует помнить, что чиновники обычно обладают более стабильным и гарантированным доходом, разнообразными льготами и привилегиями и, что немаловажно, возможностями коррупционного обогащения. Все это также может делать административную карьеру привлекательной для бизнесменов, особенно не слишком удачливых в коммерческой сфере.

В целом тот факт, что бизнес является пусть и второстепенным в сравнении с самой административной сферой, но все же довольно значимым поставщиком (и при этом важнейшим источником внешнего рекрутирования) административной элиты, указывает на ограниченность ее автономии от капиталистических интересов. Это обстоятельство вместе со структурной властью бизнеса способствует привилегированному положению его интересов в региональной политике в сравнении с интересами других социальных групп, выходцы из которых слабо представлены среди высокопоставленного регионального чиновничества. Такая политическая предвзятость тем более вероятна, что в России распространены и другие формы связей региональной административной элиты с миром бизнеса. В частности, многие чиновники после отставки уходят в коммерческие структуры [Тев 2015], у значительной их части бизнесом занимаются родственники, некоторые администраторы заседают в советах директоров крупных компаний в качестве представителей государства. Вместе с тем тесная связь конкретных чиновников с определенными бизнес-

структурами, из которых они пришли на государственную службу, может подрывать способность региональной административной элиты проводить политику в интересах бизнеса и экономического развития в целом, поскольку это нередко требует обуздания эгоизма специфических интересов отдельных компаний и отраслей. Как писал К. Оффе, «государство, которое... должно быть “идеальным коллективным капиталистом”... должно быть... структурой, выступающей по отношению к особенным и узким интересам индивидуальных капиталистов и их политических организаций как надзорная, опекающая сила, во всяком случае, такая сила, которая является отчужденной и суверенной властью» [Offe 1993: 108]. Плутократизация может также способствовать дезинтеграции региональной административной элиты, раскалываемой противоречиями и соперничеством различных специфических бизнес-интересов.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ЧИНОВНИКОВ: МАЛОЗНАЧИМОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК КАНАЛА РЕКРУТИРОВАНИЯ

В парламентских демократиях законодательные органы служат важнейшим каналом рекрутирования правительственной элиты на общенациональном и региональном уровнях [Bermeo 2003: 194; Cotta, Verzhichelli 2003: 117; Fischer, Kaiser 2009: 28]. Министры-«генералисты», имеющие длительную парламентскую карьеру, являются одним из наиболее распространенных типов правительственных деятелей.

В исследуемых регионах, напротив, представительные органы, прежде всего региональные легислатуры, являются второстепенным, малозначимым источником рекрутирования высокопоставленных чиновников. Представленная выше таблица 2 показывает, что только 2 % будущих чиновников были депутатами того или иного уровня непосредственно перед занятием нынешней должности, а также по своей предпредшествующей работе¹. Стоит, однако, отметить, что среди

¹ Интересно, что обратное движение элитных персон — переход чиновников в законодательные органы — существенно более распространено: примерно 11 % региональных депутатов работали на административных должностях непосредственно перед избранием в действующий созыв легислатуры (подробнее см.: [Быстрова и др. 2020]).

высшей региональной административной элиты (губернатор и его заместители), т.е. наиболее «политических» фигур в исполнительной власти субъектов РФ, доля бывших депутатов чуть выше — 5 %. Приведенная выше таблица 3 показывает долю нынешних чиновников, которые были депутатами в различные годы постсоветского периода. Как видим, она никогда не поднималась выше 3 %.

Впрочем, ситуация по регионам вариативна. В четырех регионах (Калининградская, Костромская, Новосибирская области, Москва) ни один чиновник не был депутатом на момент вхождения не только в нынешнюю должность, но и в должность, ей предшествующую. В то же время в Ростовской области перед назначением на нынешний пост таковых было 6 %, а в Хабаровском крае у 7 % чиновников предпредшествующая позиция была депутатской.

Что касается динамики депутатского опыта в течение более или менее продолжительного периода, то, как показывает таблица 6, значимость представительных органов как поставщика административной элиты с середины 2000-х годов снизилась (согласно данным по четырем регионам). При этом сравнение данных за 2013 и 2020 гг. по восьми регионам показывает отсутствие значимой динамики.

Таблица 6

Работа членов административной элиты Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областей в органах представительной власти, предшествующая и предпредшествующая нынешней должности (в %)

Тип работы	Годы сбора данных		
	2005–2007	2013	2020
Предшествующая	9 (N=156)	1 (N=138)	3 (N=183)
Предпредшествующая	7 (N=133)	4 (N=127)	2 (N=173)

В целом малозначимость региональных legislatures в качестве источника рекрутирования высокопоставленных администраторов не вызывает удивления. В настоящее время они, как правило, являются довольно слабыми политическими институтами, почти полностью зависимыми от региональной исполнительной власти и фактически неспособными ее контролировать (в 1990-е годы ситуация в этом плане

была более вариативной по регионам, но в 2000-х влияние законодательных собраний снизилось) [Гельман 1998; Кузьмин, Мелвин, Нечаев 2002; Шириков 2010; Туровский 2011; Даугавет 2012; Golosov 2017]. Впрочем, слабость законодательных органов может в некоторой степени способствовать административной карьере депутатов, поскольку усиливает их мотивацию к переходу в исполнительные органы, в которых сосредоточена реальная власть. Однако следует также отметить, что логика функционирования политической и административной сфер и компетенции, необходимые для успешной работы в них, существенно различаются, что также налагает ограничения на обмен кадрами.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАКРЫТОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ

В целом региональной административной элите присуща высокая степень социальной закрытости в плане бассейна ее рекрутирования, который является довольно узким. Как показывают данные исследования, более 95 % высокопоставленных чиновников непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность (и почти 90 % перед вхождением в должность, предшествующую нынешней) занимали позиции администраторов, депутатов или бизнесменов, т.е. относились к тем или иным властным группам, нередко уже входя в состав региональной властной элиты. При этом в административной элите практически отсутствуют персоны, которые в предшествующей карьере занимали социально-профессиональные позиции, относящиеся к низшим классам — рабочим и крестьянам. Как видно из таблицы 3, их было примерно 2–3 % в 1987 и 1990 гг. В 1993 и 1995 гг. доля будущих чиновников, занимавших «рабоче-крестьянское» положение в социально-профессиональной структуре, не превышала 1–2 %, а затем сократилась до нуля. Среди высокопоставленных чиновников нет таких, которые были бы непосредственно рекрутированы из низших классов, что, конечно, неудивительно, учитывая, в частности, тот факт, что высшее образование является обязательным условием занятия административных постов.

Однако нужно отметить, что не только низшие классы, но и группы, занимающие средние, промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре также довольно скромно представлены в нынешней административной элите субъектов РФ. Так, в целом по десяти исследуемым регионам только 1–3 % чиновников занимали должности

специалистов различных предприятий и организаций в 1993–2014 гг. (в позднесоветский период, в 1987 и 1990 гг. — около 4 %), и практически никто не работал на такой позиции непосредственно перед занятием нынешней должности. Чуть выше доля выходцев из сферы науки, культуры, образования и здравоохранения, но и она невелика. В 1993 и 2000 гг. в этой области работали 9 % нынешних чиновников, в остальные годы — 2–7 % (и только 1 % высокопоставленных администраторов рекрутирован непосредственно из этой сферы). Впрочем, среди представителей данных отраслей обычно преобладает высшее руководство соответствующих, в основном бюджетных, организаций (ректоры вузов, главные врачи больниц, директора школ и их заместители) и мало рядовых врачей, преподавателей и учителей. В региональном разрезе относительно широко данная социально-профессиональная категория представлена, например, в Хабаровском крае, где в 1990–1995 гг. соответствующие позиции занимали 15–18 % будущих чиновников (хотя только у 4 % такой была предшествующая должность).

Таким образом, мы видим весьма высокий уровень социально-классового неравенства в доступе к высшим позициям административной власти в регионах, ограниченность возможностей вертикальной мобильности, узость источников рекрутирования административной элиты, члены которой преимущественно выходцы из высокостатусных социально-профессиональных групп. Эта тенденция может иметь важные последствия. Относительная социальная однородность административной элиты в смысле подавляющего доминирования в ней выходцев из властных групп, «начальства», высшего руководства различных, часто крупных по меркам регионов организаций может способствовать ее сплоченности. Кроме того, то, что социально-профессиональный бассейн рекрутирования высшего регионального чиновничества слабо отражает структуру подвластного ему населения и выходцы из подчиненных классов представлены в ней крайне скромно, благоприятствует игнорированию и ущемлению их интересов в региональной политике ради интересов сверхпредставленного в административной элите социально-привилегированного меньшинства. Наконец, отчетливо социально нерепрезентативный характер региональной административной элиты может ослаблять ее легитимность в глазах граждан (которая, как уже отмечалось, частично основывается на иллюзии равенства возможностей [Putnam 1976: 44]), усиливать отчуждение между обществом и властью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов. Во-первых, доминирующей тенденцией карьеры и рекрутирования высших чиновников в исследуемых субъектах РФ является бюрократическая профессионализация: к моменту занятия нынешней должности подавляющее их большинство уже более или менее длительное время работали на административных постах. Впрочем, указанная тенденция существенно варьирует в региональном разрезе. При этом профессиональная закрытость рекрутирования региональной административной элиты в целом усиливается. Следует отметить, что по уровню профессионализации эта элита значительно превосходит политическую элиту — депутатский корпус рассматриваемых субъектов РФ.

Во-вторых, за пределами административной сферы основным источником рекрутирования региональных чиновников служит бизнес, высшее руководство коммерческих структур (как государственных, так и частных). Причем бизнес является поставщиком большего количества региональных чиновников, чем все остальные источники «внешнего» рекрутирования вместе взятые. Впрочем, наблюдаются существенные региональные вариации, а также в целом тенденция к ослаблению плутократического рекрутирования. Кроме того, высшая административная элита (губернатор и его заместители) в меньшей степени напрямую приходят из бизнеса, чем другие чиновники. Наконец, по уровню плутократизации региональная административная элита значительно уступает политической элите (депутатскому корпусу) субъектов РФ, что может быть связано с различиями методов рекрутирования этих властных групп, а также правовых норм, регулирующих их деятельность.

В-третьих, представительные органы, прежде всего региональные legislatures, являются малозначимым источником рекрутирования высокопоставленных чиновников, но среди высшей административной элиты (губернатор и его заместители) доля бывших депутатов больше. При этом с середины 2000-х годов значимость законодательных органов в качестве поставщика административной элиты снизилась. Второстепенная роль региональных legislatures как канала рекрутирования неудивительна, учитывая тот факт, что они, как правило, являются довольно слабыми политическими институтами, почти полностью зависимыми от исполнительной власти и фактически неспособными ее контролировать.

Наконец, в целом региональной административной элите присуща высокая степень социальной закрытости: бассейн ее рекрутирования довольно узок, в ней преобладают выходцы из высокостатусных социально-профессиональных групп. В рассматриваемой элите практически отсутствуют персоны, которые в предшествующей карьере занимали социально-профессиональные позиции, относящиеся к низшим классам, при этом группы, занимающие средние, промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре (интеллигенция, специалисты и пр.), также довольно слабо представлены в ней. В общем обнаруживается высокий уровень социально-классового неравенства в доступе к высшим административным позициям в регионах и ограниченность возможностей вертикальной мобильности.

Литература

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. трудов СИ РАН / отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 99–242. EDN: YMNGUO

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN: YMNGUO

Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. Политические исследования. 1998. № 1. С. 87–105. EDN: ESCPAN

Гимпельсон В.Е., Магун В.С. На службе государства российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 5 (73). С. 19–36. EDN: HTLRNR

Даугавет А.Б. Представительная власть Санкт-Петербурга как неформальный институт (2000–2011) // Властные структуры и группы доминирования / под. ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 344–369. EDN: UMSTPF

Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. Политические исследования. 2002. № 3. С. 142–155. EDN: ESCVJD

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с. EDN: OXPZVW

Сафронов В.В. Консолидация авторитаризма или демократизация: поддержка путинского режима элитой С -Петербурга // Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. трудов СИ РАН / отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 30–110. EDN: YSDUJY

Тев Д.Б. Высокопоставленные региональные администраторы: особенности карьеры после ухода с должности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII, № 4. С. 37–52. EDN: VKQMHN

Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 77–95. EDN: KYGVDZ

Туровский Р.Ф. Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 82–92. EDN: OGDXDZ

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с. EDN: QODDDF

Шириков А. Анатомия бездействия: политические институты и конфликты в бюджетном процессе регионов России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 276 с. (Труды факультета политических наук и социологии).

Bermeo N. Ministerial Elites in Southern Europe: Continuities, Changes and Comparisons // Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000 / ed. by P. Tavares de Almeida, A.C. Pinto, N. Bermeo. London: Frank Cass Publishers, 2003. P. 191–212.

Cotta M., Verzichelli L. Ministers in Italy: Notables, Party Men, Technocrats and Media Men // Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000 / ed. by P. Tavares de Almeida, A.C. Pinto, N. Bermeo. London: Frank Cass Publishers, 2003. P. 109–142.

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry // American Political Science Review. 1967. Vol. 61, no. 2. P. 428–445. <https://doi.org/10.2307/1953255>.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis // Financial Management. 2010. Vol. 39, no. 3. P. 905–928. <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Fischer J., Kaiser A. Hiring and Firing Ministers under Informal Constraints. Germany // The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing / ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York: Routledge, 2009. P. 21–40.

Fortescue S. Russia's civil service: professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries // Post-Soviet Affairs. 2020. Vol. 36, no. 4. P. 365–388. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1757314>.

Giddens A. Elites in the British class structure // Elites and Power in British Society / ed. by P. Stanworth, A. Giddens. London: Cambridge University Press, 1974. P. 1–21.

Golosov G.V. Legislative Turnover and Executive Control in Russia's Regions (2003–2014) // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69, no. 4. P. 553–570. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1337871>.

Grigoriev I., Zhirkov K. Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010 // Research and Politics. 2020. Vol. 7, no. 4. P. 1–6. <https://doi.org/10.1177/2053168020979434>.

Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites // The Palgrave Handbook of Political Elites / ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 53–68.

Kerbo H.R., Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research // Sociological Quarterly. 1979. Vol. 20, no. 1. P. 5–22. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1979.tb02181.x>.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations // Comparative Politics. 1988. Vol. 20, no. 4. P. 379–399. <https://doi.org/10.2307/421935>.

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure // Public Opinion Quarterly. 1954. Vol. 18, no. 1. P. 5–22. <https://doi.org/10.1086/266482>.

Offe C. Class Rule and the Political System: On the Selectiveness of Political Institutions // The State: Critical Concepts. Vol. 1 / ed. by J.A. Hall. London, New York: Routledge, 1993. 104–129.

Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976.

Szakonyi D. Politics for Profit: Business, Elections, and Policymaking in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

Wirsching E. The revolving door for political elites: policymakers' professional background and financial regulation. Working Paper no. 222. Prepared in November 2018. URL: <https://www.ebrd.com/publications/working-papers/revolving-door> (дата обращения: 07.08.2021).

Источники

Более половины должностей в РФ — купленные // PASMI.RU. 07.08.2012. URL: <https://pasmi.ru/archive/45848/> (дата обращения: 01.09.2021).

Буравцева М. Есть ли жизнь после госслужбы // Ведомости. 21.06.2013. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/06/21/zhizn_posle_gosszluzhby (дата обращения: 09.08.2021).

Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России // РБК. 11.03.2016. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (дата обращения: 14.02.2021).

Planet Plutocrat // The Economist. 15.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (дата обращения: 14.02.2021).

REGIONAL ADMINISTRATIVE ELITE: SOCIO-PROFESSIONAL SOURCES OF RECRUITMENT AND CAREERS

D. Tev

(denis_tev@mail.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

Citation: Tev D. Regional'naya administrativnaya elita: sotsial'no-professional'nyye istochniki rekrutirovaniya i kar'yera [Regional administrative elite: socio-professional sources of recruitment and careers]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (2): 146–171. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>

Abstract. *The article deals with the socio-professional sources of recruitment and the careers of members of the regional administrative elite. The empirical basis of the study is the biographical database of 464 high-ranking officials of ten regions of Russian Federation. The study revealed that the dominant trend in the careers of administrators is bureaucratic professionalization: by the time they took their current position, the vast majority of them had already worked in administrative positions for more or less a long time. Moreover, the professional closeness of recruitment of the regional administrative elite is increasing. Outside the administrative sphere, the main supplier of regional officials is business, the top management of commercial organizations. However, there is a trend towards a weakening of plutocratic recruitment. In turn, legislative bodies, primarily regional legislatures, are an insignificant channel for recruitment of the administrative elite (and their role as a supplier of officials has declined since the mid-2000s), which is not surprising, given that they are usually rather weak political institutions, almost completely dependent on the executive branch and virtually unable to control it. Finally, the regional administrative elite is characterized by a high degree of social closeness: it is dominated by people from high-status socio-professional groups and there are practically no persons who in their previous careers occupied positions belonging to the lower classes. In general, the level of social class inequality in access to the highest administrative positions in the regions is high, and the opportunities for vertical mobility are limited.*

Keywords: *administrative elite, officials, sources of recruitment, careers, professionalization, business, social closeness.*

References

Bermeo N. Ministerial Elites in Southern Europe: Continuities, Changes and Comparisons. In: *Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*. Ed. by Tavares de Almeida P., Pinto A.C., Bermeo N. London, Frank Cass Publishers, 2003, pp. 191–212.

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Rossijskie regional'nye jelity: innovacionnyj potencial v kontekste globalizacii [Russian Regional Elites: Innovative Potential in the Context of Globalization]. In: *Uslovija i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshhestva: Sborhik nauchnyh trudov SI RAN* [Conditions and opportunities for the consolidation of Russian society: Collection of Scientific Papers of the SI RAS]. Ed. by A.V. Duka, I.I. Eliseeva. St Petersburg: Nestor-Istorija, 2010, pp. 99–242. EDN: YMHGUO (In Russian)

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Regional'naja politicheskaja jelita: bassejn rekrutirovanija i kar'era [Regional political elite: careers and pool of recruitment]. *Vlast' i jelity* [Power and elites], 2020, 7 (1), pp. 76–122. (In Russian). <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN: HTLRNR (In Russian)

Cotta M., Verzichelli L. Ministers in Italy: Notables, Party Men, Technocrats and Media Men. In: *Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*. Ed. by Tavares de Almeida P., Pinto A.C., Bermeo N. London, Frank Cass Publishers, 2003, pp. 109–142.

Daugavet A.B. Predstavitel'naja vlast' Sankt-Peterburga kak neformal'nyj institut (2000–2011) [Representative power of St. Petersburg as an informal institution (2000–2011)]. In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija* [Power structures and domination groups]. Ed. by A.V. Duka. St Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 344–369. EDN: UMSTPF (In Russian)

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry. *American Political Science Review*, 1967, 61 (2), pp. 428–445. <https://doi.org/10.2307/1953255>.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis. *Financial Management*, 2010, 39 (3), pp. 905–928. <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Fischer J., Kaiser A. Hiring and Firing Ministers under Informal Constraints. Germany. In: *The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing*. Ed. by Dowding K., Dumont P. London; New York: Routledge, 2009, pp. 21–40.

Fortescue S. Russia's Civil Service: Professional or Patrimonial? Executive-level Officials in Five Federal Ministries. *Post-Soviet Affairs*, 2020, 36 (4), pp. 365–388. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1757314>.

Gel'man V.Ja. Regional'naja vlast' v sovremennoj Rossii: instituty, rezhimy i praktiki [Regional power in modern Russia: institutions, regimes and practices]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political studies], 1998, 1, pp. 87–105. EDN: ESCPAN (In Russian)

Giddens A. Elites in the British class structure. In: *Elites and Power in British Society*. Ed. by Stanworth P., Giddens A. London: Cambridge University Press, 1974, pp. 1–21.

Gimpel'son V.E., Magun V.S. Na sluzhbe gosudarstva rossijskogo: perspektivy i ogranichenija kar'ery molodyh chinovnikov [In the service of the Russian state: prospects and limitations of the career of young officials]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions], 2004, 5 (73), pp. 19–36. EDN: HTLRNR (In Russian)

Golosov G.V. Legislative Turnover and Executive Control in Russia's Regions (2003–2014). *Europe-Asia Studies*, 2017, 69 (4), pp. 553–570. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1337871>.

Grigoriev I., Zhirkov K. Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010. *Research and Politics*, 2020, 7 (4), pp. 1–6. <https://doi.org/10.1177/2053168020979434>.

Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by Best H., Higley J. London: Palgrave Macmillan, 2018, pp. 53–68.

Huntington S. *Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah* [Political order in changing societies]. Moscow: Progress-Tradicija, 2004. 480 p. EDN: QODDDF (In Russian)

Kerbo H.R., Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research. *Sociological Quarterly*, 1979, 20 (1), pp. 5–22. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1979.tb02181.x>.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations. *Comparative Politics*, 1988, 20 (4), pp. 379–399. <https://doi.org/10.2307/421935>.

Kuz'min A.S., Melvin N.Dzh., Nechaev V.D. Regional'nye politicheskie rezhimy v postsovetsoj Rossii: opyt tipologizacii [Regional political regimes in post-Soviet Russia: experience of typology]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political studies], 2002, 3, pp. 142–155. EDN: ESCVJD (In Russian)

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure. *Public Opinion Quarterly*, 1954, 18 (1), pp. 5–22. <https://doi.org/10.1086/266482>.

Offe C. Class Rule and the Political System: On the Selectiveness of Political Institutions. In: *The State: Critical Concepts*. Vol. 1. Ed by Hall J.A. London, New York: Routledge, 1993, pp. 104–129.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976. 242 p.

Regional'nye jelity Severo-Zapada Rossii: politicheskie i jekonomicheskie orientacii [Regional Elites of Russia's North-West: Political and Economic Orientations]. Ed. by A.V. Duka. St Petersburg: Aletejja, 2001. 352 p. EDN: OXPZVW (In Russian)

Safonov V.V. Konsolidacija avtoritarizma ili demokratizacija: podderzhka putinskogo rezhima jelitoj S.-Peterburga [Consolidation of authoritarianism or democratization: support for the Putin regime by the elite of St. Petersburg].

In: *Usloviya i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshhestva: Sbornik nauchnyh trudov SI RAN* [Conditions and opportunities for the consolidation of Russian society: Collection of Scientific Papers of the SI RAS]. Ed. by A.V. Duka, I.I. Eliseeva. St Petersburg: Nestor-Istorija, 2010. pp. 30–110. EDN: YSDUJY (In Russian)

Shirikov A. *Anatomija bezdejstvija: Politicheskie instituty i konflikty v bjudzhetnom processe regionov Rossii* [Anatomy of inaction: Political institutions and conflicts in the budget process of Russian regions]. St Petersburg.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010. 276 p. (Trudy fakul'teta politicheskikh nauk i sociologii). (In Russian)

Szakonyi D. *Politics for Profit: Business, Elections, and Policymaking in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 342 p.

Tev D.B. Vysokopostavlennye regional'nye administratory: osobennosti kar'ery posle uhoda s dolzhnosti [Professional Careers of Senior Regional Officials after Leaving Office]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2015, 18 (4), pp. 37–52. EDN: VKQMHN (In Russian)

Turovskij R.F. Regional'nye politicheskie rezhimy: k metodologii analiza // Polis. Politicheskie issledovanija [Regional Political Regimes: Toward a Methodology of Analysis]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political studies], 2009, 2, pp. 77–95. EDN: KYGVDZ (In Russian)

Turovskij R.F. Institucional'nyj dizajn rossijskoj regional'noj vlasti: kazhushhajasja prostota? [Institutional design of Russian regional authorities: apparent simplicity?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2011, 5, pp. 82–92. EDN: OGDXDZ (In Russian)

Wirsching E. *The revolving door for political elites: policymakers' professional background and financial regulation. Working Paper no. 222*, 2018. URL: <https://www.ebrd.com/publications/working-papers/revolving-door> (accessed: 07.08.2021).